

скольку один и тот же смысловый сдвиг характерен для целой категории слов, подобные корреляции являются конкретизацией системных оппозиций между двумя лексико-семантическими категориями. Коррелированными лексико-семантическими единицами являются синонимы, антонимы, слова с соотносимыми значениями, слова, обозначающие материал и изделие из него и т. п.; сюда относятся явления специализации, расширения, синекдоха, метафора и т. д.

Характерную тенденцию развития таких семантически коррелированных единиц, равно как и морфо-семантических групп, автор видит в укреплении системности. Взаимовлияние ассоциированных значений рассматривается на примере антонимов. Взаимодействие антонимов выражается в фонетическом, морфологическом, словообразовательном сближении. Под влиянием антонимических отношений наблюдается явление семантического обогащения слова, ограничение многозначности и другие явления.

Такого рода изменения характерны для неэкспрессивных ассоциаций. Иное отражение в языке находят ассоциации экспрессивные. Под экспрессивной ассоциацией понимается связь между такими единицами содержания, из которых одна — экспрессивная — носит оценочный характер, тогда как другая, неэкспрессивная единица, его не имеет, но своими объективными признаками вызывает. Так, например, представление о человеке с отталкивающим характером может быть ассоциировано с чувством неприязни, которое вызывает животное с неприятными свойствами (*крыса, гиена, хищник*) и привести к обозначению неприятного человека именем животного и т. п. Такая ассоциация могла быть морфематизиро-

вана, например *tlama* → *tlamajna* (морда у человека и животного).

Корреляция неэкспрессивность : экспрессивность отличается тем, что она часто становится исключением в языковой норме: при экспрессивных семантических сдвигах наблюдается замена рода, использование в разговорном языке указательных местоимений вместо личных, существительного на месте прилагательного и т. п.

3. Изменения, обусловленные культурно-историческими факторами. По сравнению с двумя первыми, эта глава более традиционна, однако и здесь автор выявляет системные изменения, наблюдает сдвиги, характерные для групп лексико-семантических единиц. Здесь рассматриваются различные способы проникновения в язык слов, обозначающих иноземные реалии (заимствование, калькирование), дана оценка словотворческой деятельности чешских ученых, способствовавших возрождению чешского литературного языка. Наиболее естественным способом наименования новых реалий и понятий, входящих в язык в связи с развитием быта, культуры, общественно-политических взглядов, И. Немец считает спонтанное развитие слов, причем, по наблюдениям автора, первоначально новая реальность обозначается несколькими словами и только позднее название закрепляется за одним словом.

Заканчивая изложение основных идей монографии, следует отметить, что ее ценность определяется не только общей теоретической концепцией. Лексикологи и семаскологи найдут в ней богатый фактический материал, ценные соображения по многим частным вопросам и перспективную методологию исторического и описательного исследования лексики.

Е. Е. Талыцкая

E. Tryjarski. Dictionnaire arméno-kiptchak d'après trois manuscrits des collections viennoises. I, fasc. 1—A—H.—Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1968, 284 стр; fasc. 2—I—K, 1968, 285—436 стр.; fasc. 3—X—O, 1969, 437—603 стр.

Э. Трыярский, один из немногих тюркологов, занимающихся изучением старых текстов, на этот раз избрал объектом исследования рукописи трех двуязычных армяно-кыпчакских словарей XVII в. Эти рукописи принадлежат коллекциям Национальной венской библиотеки (К. К. Hofbibliothek) и библиотеки венских мхитаристов; фотокопиями этих рукописей располагает Польская Академия наук.

Рукописи представляют собой армяно-армяно-кыпчакские словари и в совокупности являют собой удачную выборку из лексики армяно-кыпчакского языка. Основой для словаря Э. Трыярского послужили две из этих трех рукописей,

каждая из которых содержит примерно по десяти тысяч армянских слов с их толкованием по-тюркски; обе рукописи чрезвычайно близки одна к другой, но не идентичны. Третья рукопись фрагментарна. Все три рукописи анонимны; судя по многочисленным ссылкам на библейские сюжеты и экскурсам в области теологии и философии, Э. Трыярский допускает, что их авторами были монахи. Он предполагает также, что эти рукописи составлялись по модели одного или нескольких армянских словарей. По его мнению, рукописи эти имели чисто практическое назначение: они должны были помогать билингам при чтении армянских сочинений, различного рода (преж-

де всего книг библейского содержания) и облегчать повседневные сношения между двумя группами армян — польскими, которые говорили и писали по-армянски, и украинскими, перенявшими кыпчакский язык.

Изучение армяно-кыпчакских текстов имеет свои традиции, и все же чтение рукописей было нелегким делом. Критически оценивая сделанное до него, Э. Трыярский внес вполне убедительные исправления в чтение знаменитого армениста Ж. Дашьяна, который в конце прошлого века описал эти рукописи. К примеру, аббревиатура *pñ*, прочитанная Дашьяном как *baron* «господин», была объяснена Трыярским как *p[ai]n* < польск. *pan* «господин», *alom* было исправлено на *ald[il]m* «я взял».

Краткие сведения о трех рукописях, на основе которых построен рецензируемый словарь, сообщаются во «Введении» (стр. 7—41). Армяно-кыпчакские словари рассматриваются здесь, прежде всего, с точки зрения истории тюркской лексикографии — как «лексикографические документы»; немало внимания уделено им и как этнографическому источнику. На стр. 37—41 излагаются принципы, положенные в основу при составлении словаря. Списком библиографических и прочих сокращений (стр. 42—45), указателями принятых в рецензируемом издании транскрипционных знаков и их алфавитного порядка (стр. 46) завершается вводная часть.

Передвая армянские литеры, которые в своей фонетической репрезентации не имеют соответствий в тюркской фонологической системе, Э. Трыярский вынужден был пойти на компромисс между транскрипцией и транслитерацией; он, в частности, сохранил спецификацию для таких литер, как *ǰ*, *p'*, *t'*, *k'* в соответствии с армянской артикуляторной основой.

Рукописи, к сожалению, не позволяют обнаружить тюркскую фонологическую систему армян, перенявших кыпчакский язык (вопрос осложняется еще и орфографическими колебаниями авторов или переписчиков). Неясно, например, как должно произноситься слово *olum* «смерть» — принадлежит ли оно к классу веларному или же к классу веларно-палатальному [*olum*] (последнее весьма возможно, если иметь в виду фонологическое различие между *olum* от глагола *ol-* «становиться» и *olum* от глаголов *ol-* «умирать»).

Кыпчакский язык, ставший родным для группы армян, которые в XV в. поселились на Украине, в лексическом отношении представляет собой чрезвычайно любопытное явление. Изобилуя, с одной стороны, арменизмами и славизмами (полонизмами, украинизмами, русизмами), лексика этого языка, с другой стороны, сохраняет отдельные архаические формы (*artıylı*, *artıylı* «превозшедший; тот, который превьсыл»; ср., например, регуляр-

ное отглагольное образование на *-ıylı* в древнеуйгурском языке¹), включает в себя словарные формы тюркских языков огузской группы (*barıšly* «примирение; перемирие; мир»; ср. турец. *barışlık* «мирное время; мир, спокойствие») и слова искусственные, иногда весьма причудливые, вызванные к жизни то ли потребностями перевода, то ли повседневным обиходом носителей этого языка (например, *açlan-* «раскрываться», *boylulan-* «становиться большим; становиться крепким и сильным»). Вряд ли стоит доказывать, как важно лексикографическое и лексикологическое обследование словарных материалов армяно-кыпчакского языка. Пробел в этом отношении удачно восполняет издание, предпринимаемое Э. Трыярским.

Э. Трыярский с большой тщательностью извлек из рукописей армяно-кыпчакские слова в их различных фонетических вариантах, указав их употребление — как самостоятельное, так и в контексте. Кыпчакские толкования армянских лексем Э. Трыярский сгруппировал в пять основных типов: 1) прямой перевод посредством кыпчакских соответствий (армянск. *kılıy* — кыпчакск. *baş* «голова»); 2) перевод перифрастическими (или описательными) средствами (армянск. *agad* — кыпчакск. *bahalı taş atıdır* «название драгоценного камня»); 3) способ, сочетающий в себе 1 и 2 типы (армянск. *zoba* — кыпчакск. *ızor çıçak' atı* «иссоп, название цветка» или «название цветка иссоп»); 4) синонимы, разделенные союзом *ıa* «или» (армянск. *ardaşnçumñ* — кыпчакск. *çymay ıa olum* «кончина или смерть»); 5) сочетания тюркских слов — для не-армениста такие сочетания кажутся странными (армянск. *mayr* — кыпчакск. *ana ıa orman* «мать или лес»), на деле ими передаются армянские омонимы.

Э. Трыярский, помимо всего прочего, устанавливает этимологию слов, не являющихся собственно тюркскими, и это придает словарю дополнительную ценность. Извлеченные из других тюркских языков корреспонденции к приводимым словам служат для подтверждения их значения и их формы. Таким образом, читатель получил не только армяно-кыпчакский словарь, но еще и тщательно разработанный лексикографический этюд.

Словарь чрезвычайно ценен сам по себе — он раскрывает богатства кыпчакского языка, используемого в другой этнической среде. Корпус словаря изобилует материалом, на основе которого можно проследить своеобразие армяно-кыпчакского языка в области морфологии и фонетики. Так, внимание читателя, безусловно, привлечет большое число об-

¹ См., например: В. М. Насилов, Древнеуйгурский язык, М., 1963, стр. 64.

разований на *-daş*, ранее не известных тюркологам *ayrıldıaş* «отделившийся (разделившийся) вместе с кем-либо», *başlandaş* «начатый вместе с кем-либо другим; задуманный вместе с кем-либо другим», *béslandaş* «вскармливаемый вместе с кем-либо другим; совместно воспитываемый», *birlandaş* «тот, кто объединился с кем-либо другим», *boldaş* «сосуществующий», *boluşdaş* «помощник; подручный» и др.

Словарь содержит ценные материалы как для истории тюркских языков, так и для изучения кыпчакских элементов в славянских языках. (Ср., например, сербско-хорв. «булава» *buzdôhan* и армяно-кыпчакск. *bozdôhân*.) Словарь позволяет проследить, в частности, звонкость начального согласного в словах *daş* (встречается и *taş*) «камень», *biş* «вариться; созреть», *barmaq* «палец» и озвончение в *dujan* (араб.) «наволнение» (?) и сделать вывод, что эти явления охватили и Украину.

В вопросе о конечном *-у*, еще не вполне объясненном², словарь дает интересный материал: там можно найти как собственно тюркские слова (в том числе с *-у*, имеющим характер уменьшительного аффикса), так и заимствования. Например: *inau* «иголка», *k'olgay* «тень», *kimsay* «кто-нибудь, некто»; *barvay* «цвет, окраска» < польск. *barva*; *kozay* «коза» < русск. *коза*; *tatay* «бабушка, мама» (?) < < польск. *tata*; *lixvay* «ростовщический процент» < польск. *lichwa*; *xvalay* «слава» < русск. *слава*; *drabinay* «приставная лестница» < польск. *drabina*; *xanay* «постройка, дом, квартира, комната, мастерская» < перс. *hanâ*; *xurmay* «финик» < перс. *hurmâ*; *adždahay* «дракон» < < перс. *aždahâ*; *xalxay* «круг, браслет, петлица; вид запора на дверях (?)» (араб.); *daytay* «постоянно, всегда» < *dâimâ* (араб.); *xalay* «крепость» < *ka'la* (араб.).

Словарь дает материал, который пополняет наши представления о возможностях смысловых модификаций ряда слов, а для отдельных слов восстанавливает недостающее звено в их семантическом развитии. Так, например, для слова *piyalâ* зарегистрировано значение «баночка из стекла»³, в то время как

у крымских (и балканских) татар это слово означает «зеркало; зеркальное стекло; стекло». В словаре *kelindaş* «падчерица; невестка, сноха» (?), ср. в крымско-татарском *kelindeş* «свояченица, золовка, невестка» (истолкование В. В. Радловым *kâlindaş* в крымско-татарском как «общие невестки, снохи»⁴ представляется ошибочным). С *çirim et-* «спать (глубоко?)» корреспондирует в языке балканских татар *çirim et-* (где *i* полупалатальный) «дремать»; с *çayaxa-* «поливать; мыть» можно соотнести балканско-татар. *çayqa* «полоскать» (ср., например, также узб. *чай-, чайға-*).

Добросовестно фиксируя в своем словаре сложные лексемы, составитель, по видимому, рассматривал их как явление неустойчивое — особенно те из них, которые могут окказионально варьировать служебный компонент в своем составе. Например: *awaz bêrtax* (имя действия) «кричать, подавать голос», *awaz bêruçi* «певец» (= *ırlawuçi*), *awaz sal-* «кричать, звать»; *at çibini* «слепень», *baş barmaq* «большой палец», *baş ortovu* «головной убор», *çin sonçu* «последний; крайний»; *kiçi xarın* (= *život*) «живот»; *surat çuğarmax* (имя действия) «изображать», *iixk'un* «воскресенье»⁵. Эти сложные лексемы в словаре, собственно, оставлены без внимания — они приводятся в составе различных словарных статей и самостоятельно не выделяются.

Э. Трыарский, как он сам пишет (стр. 37), намеревается сопроводить изданный им словарь еще двумя томами — во втором томе будут сообщены результаты осуществленного им палеографического анализа трех рукописей и фототипическим способом репродуцированы эти рукописи; последний, третий том представит собой лингвистическое исследование, в котором «лингвистическое своеобразие текстов» предполагается трактовать «в сравнительном плане». Пожелаем Э. Трыарскому скорейшего выполнения этого обширного плана.

³ М. Моллова (София)

Перевела с французского Г. Ф. Благова

² См.: М. Моллова, Une sérieuse étude sur les lexèmes turks dans la langue roumaine, «Linguistique balkanique», IX, 2, 1965, стр. 109—110.

³ Ср. в турецком *piyalâ* «verre à boire; coupe» (S a m y - B e y, Dictionnaire français-turc, Constantinople, 1885, стр. 297). В персидском, из которого это слово заимствовано, *pijalâ* имеет значение «чаша».

⁴ См.: В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, II, СПб., 1899, стлб. 1117.

⁵ См.: J. D e n y, L'arméno-coman et les «Ephémérides» de Kamieniec (1604—1613), Wiesbaden, стр. 23—24. Ср. также карачаевск. *yjuq kün* «воскресенье», караимск. *jeh kün*.